

УДК 81'33

А. А. Баркович

Минский государственный лингвистический университет

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ:
ВОЗМОЖНОСТИ ДИСКУРСИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ**

Статья посвящена проблематике дискурсивной интерпретации и репрезентации взаимодействия славянских языков. Взаимодействие не только отдельных носителей языков, но и культур, языков, в том числе славянских, все чаще становится предметом научной рефлексии. Изучение взаимовлияния языков, в свою очередь, способствует пониманию предпосылок и перспектив развития коммуникационных ситуаций, что чрезвычайно востребовано в прикладном аспекте лингвистических исследований. Дискурсивная методология, несомненно, релевантна для изучения взаимодействия славянских языков и соответствующей межъязыковой интерференции, поскольку на практике контактирующие языки всегда подвержены влиянию мощных экстралингвистических факторов. Современная наука становится все более междисциплинарной и синкретичной – в этом отношении востребованы не только частные модели конкретных коммуникационных ситуаций, но и широкоформатные модели речевой практики дискурсивного качества. В этом контексте большой научной значимостью обладают гипермодели дискурса, не только описывающие эмпирический материал, но и способствующие синтезу широких обобщений, обуславливающие создание качественно нового метаязыкового знания. Представленная дискурсивная гипермодель позволила исследовать сложные и многомерные случаи взаимодействия славянских языков, в частности, в русско-белорусском контексте, рассмотренном как пример внутриславянского взаимодействия, и в польско-немецком контексте, рассмотренном как пример внешнеславянского взаимодействия языков. Полученные метаязыковые данные позволили сделать выводы о типологически значимых особенностях взаимодействия славянских языков.

Ключевые слова: дискурсивное моделирование, межъязыковое взаимодействие, межъязыковая интерференция, славянские языки, дискурсивная гипермодель, экстралингвистическое влияние.

Для цитирования: Баркович А. А. Взаимодействие славянских языков: возможности дискурсивного моделирования // Труды БГТУ. Сер. 4, Принт- и медиатеchnологии. 2021. № 1 (243). С. 52–57.

A. A. Barkovich

Minsk State Linguistic University

**INTERACTION OF SLAVIC LANGUAGES:
THE POSSIBILITIES OF DISCURSIVE MODELING**

The article is devoted to the problematics of discursive interpretation and representation of the interaction of Slavic languages. The interaction of not only individual speakers, but also cultures, languages, including Slavic ones, increasingly becomes the subject of scientific reflection. The study of the mutual influence of languages, in turn, contributes to understanding the prerequisites and prospects for the development of communicational situations, which is extremely in demand in the applied aspect of linguistic research. The discursive methodology is undoubtedly relevant for the study of the interlingual activity and the corresponding crosslingual interference, since in practice, contacting languages are always subject to the influence of powerful extralinguistic factors. Modern science is becoming more and more interdisciplinary and syncretic – in this respect, not only private models of specific communicational situations, but also large-format models of speech practice of discursive quality are in demand. In this context, hypermodels of discourse are of great scientific significance: they are not only describe empirical material, but also contribute to the synthesis of broad generalizations as well as lead to the creation of a qualitatively new metalanguage knowledge. The presented discursive hypermodel allows to investigate complex and multidimensional cases of interaction of Slavic languages, in particular, in the Russian-Belarusian context, considered as an example of intra-Slavic interaction, and in the Polish-German context, considered as an example of extra-Slavic interaction. The obtained metalinguistic data allowed to draw conclusions about the typologically significant features of the interaction of Slavic languages.

Key words: discursive modeling, interlingual activity, crosslingual interference, Slavic languages, discursive hypermodel, extralinguistic influence.

For citation: Barkovich A. A. Interaction of slavic languages: the possibilities of discursive modeling. *Proceedings of BSTU, issue 4, Print- and Mediatechnologies*, 2021, no. 1 (243), pp. 52–57 (In Russian).

Введение. Научная рефлексия проблем речевого функционирования в современных условиях, как правило, носит междисциплинарный и синкретичный характер, что предопределяет продуктивность задействия в лингвистической практике дискурсивной методологии. В методологическом аспекте дискурс не только обладает значительным экстралингвистическим потенциалом, но и позволяет этот потенциал творчески использовать в лингвистической интерпретации и репрезентации [напр., 11; 13; 19]. Как правило, дискурс представляет собой концептуально богатое и адаптивное научное измерение, которое наилучшим образом позволяет охватить реалии современных языков, обеспечивая продуктивность научной рефлексии [15]. Более того, важной особенностью современного дискурса является высокая степень его пространственно-временной стабильности и структурированности, обеспечиваемая посредством компьютерных технологий. В частности, Интернет-дискурс и корпусы текстов позволяют использовать недоступное ранее количество и качество языкового материала в лингвистической практике [1]. Подобный масштаб доступных для изучения языковых данных ориентирует исследование на глубокую интерпретацию задействованного материала, предполагающую моделирование процессов его функционирования.

Основная часть. Моделирование дискурсивной специфики современной коммуникации характеризуется существенной сложностью. Взаимодействие языков уже, как правило, дискуссионно и объектоцентрично: нередко оспаривается уже сам факт доминирования того или иного языка. Например, таков метадискурс русско-белорусской межъязыковой интерференции с присутствием ему лингвистически непоследовательными и аморфными базовыми метадаанными, включая термины. Так, соответствующий метаязык, лежащий в основе научной рефлексии, на сегодняшний день крайне противоречив и характеризуется терминологической бессистемностью вплоть до идентификации «трясянки» как «языка» [напр., 5; 6; 7]. Между тем, трясанка – это не язык, а устойчивый речевой стереотип, отражающий взаимную системную интерференцию русского и белорусского языков [9]. В данной ситуации сложно переоценить значимость соответствующих дискурсивных моделей, еще более актуальных в контексте тотальной глобализации социума и компьютеризации современной коммуникации.

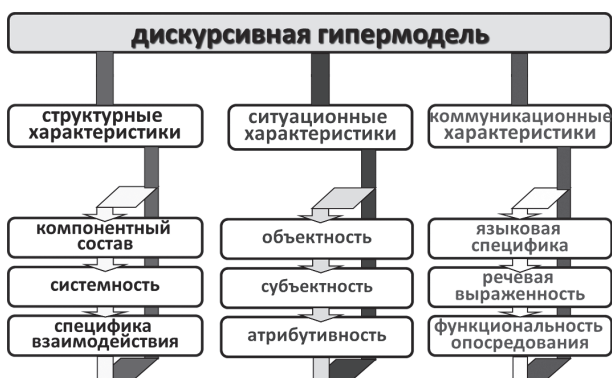
Естественно, что специфика интралингвистического описания взаимодействия языков более прозрачна и лучше изучена, чем специфика их экстралингвистического описания. Но на практике на многие важные вопросы об особенностях

взаимодействия языков невозможно ответить, не обращаясь к экстралингвистической специфике соответствующего дискурса. Широкая научная комплиментарность дискурса отмечалась многими исследователями [напр., 4]. В то же время уже дифференциация той или иной интра- и экстралингвистической специфики иногда оказывается нетривиальной задачей. Формы взаимодействия языков весьма разнообразны: так, не всегда возможно отделить, например, результаты интралингвистической региональной койнеизации, или смещения стиля, от межъязыковой интерференции, которая всегда экстралингвистически обусловлена [напр., 14; 16; 17]. Более того, любое внутриязыковое событие в той или иной степени зависит от внешнеязыковой реальности.

Языковая специфика взаимодействия контактирующих языков зачастую существенно осложняется разнообразной социокультурной повесткой. В таком контексте дискурсивное моделирование позволяет продуктивно экстраполировать типологически актуальную специфику коммуникационных процессов и ситуаций. Дискурсивные модели особенно востребованы при рассмотрении функциональности близкородственных языков. Так, рассмотрение русско-белорусского языкового взаимодействия оказывается релевантным для весьма значительной части славянского социокультурного пространства: согласно интернет-статистике, русский язык доминирует как в Беларуси – 86,9%, так и в Украине – 79,0%. Впрочем, объективные показатели распространности русского языка в интернет-пространстве других бывших регионов СССР вполне сопоставимы: в Казахстане – 84,0%, в Узбекистане – 79,6%, в Кыргызстане – 75,9%, в Таджикистане – 81,8% и т. д. (<http://w3techs.com>).

Принадлежность украинского и белорусского – наряду с русским – к одной группе восточнославянских языков обеспечила высокую продуктивность смешанной речевой практики. Природа русско-белорусской и русско-украинской межъязыковой интерференции имеет много общего, что позволяет дополнить недостающие детали метаописания, например, русско-белорусского языкового взаимодействия – известными фактами об изученном сравнительно лучше русско-украинском взаимодействии – и наоборот.

Русско-белорусская межъязыковая интерференция в дискурсивном контексте во многом показательна [9]. В данной связи интересен опыт применения *дискурсивной гипермодели* (см. рисунок). Дискурсивная гипермодель является «многомерной иерархической моделью дискурсивного континуума, состоящей из структурированных наборов составляющих, представляющей широкий спектр специфики коммуникационных отношений» [8: 87].

Дискурсивная гипермодель (источник [8: 87])

Согласно данной матрице **структурно** русско-белорусская межъязыковая интерференция является «неоднородной» в *компонентном составе* (или «разнонаправленной»: присутствует как русско-, так и белорусскоязычная направленность); является «некодифицированной» в плане *системности* (или «ненормированной»: нет общих норм или обычаев в качестве основы) и по *специфике взаимодействия* является «постоянной» (или «долговременной»: актуальна на протяжении длительного периода времени).

С **ситуативной** точки зрения она носит «повсеместный» характер («*объектно*» распространена во всем ареале белорусского языка (и, наоборот, не выражена в ареале русского языка); носит «персонализированный» характер («*субъектно*» не востребуема в публичной коммуникации) и является «подчиненной» («*атрибутивно*» подчинена литературным русскому или белорусскому языкам).

В **коммуникационном** отношении русско-белорусская межъязыковая интерференция является «двуязычной» (*языковая специфика* русская и белорусская); имеет преимущественно «устную» форму (*речевая выраженность* не характеризуется наличием письменной традиции) и является «прямой» (*функциональная опосредованность* не обусловлена использованием компьютерных или иных медиасредств).

Данный анализ позволяет классифицировать трясянку как *смешанную речевую практику*: по крайней мере, язык не может быть, например, «неоднородным», «некодифицированным», «подчиненным» или «двуязычным». Это обобщение имеет методологический потенциал, который в основном совместим с русско-украинской межъязыковой интерференцией. Естественно, что некие различия языковых ситуаций в Беларуси и Украине присутствуют, но метадискурсивная идентичность в общих чертах будет очень похожей.

Продуктивным оказывается также дискурсивное моделирование «внешнего» межъязыкового взаимодействия с участием славянского языка.

Так, *межъязыковая интерференция польского и немецкого языков*, которые не так близки, как русский, белорусский или украинский, характерным образом описывается также весьма противоречиво. В частности, показательна в данной связи оценка новой речевой практики на территориях, присоединенных к Польше после 1945 г.: «Территория распространения новых польских диалектов – Западное Поморье, Нижняя Силезия, Восточная Пруссия, где до 1945 г. говорили по-немецки» (<http://be.wikipedia.org>). Появление соответствующей смешанной речевой практики, казалось бы, достаточно прозрачное событие в социолингвистическом аспекте – тем не менее оно было интерпретировано как появление «новых смешанных диалектов польского языка». Термин «новые смешанные диалекты» (польск. *nowe dialekty mieszane*) был введен С. Урбанчиком в 1950-х гг. [18]: это произошло примерно через 8 лет после передела приграничных регионов Германии и Польши. Ключевым тезисом такого диалектологического обоснования является то, что эти территории считались «исторически польскими» [12]. Однако это обоснование не нашло подтверждения на практике: «Сегодня, несмотря на свое название, они [новые смешанные диалекты] действительно не смешиваются ... их место занял общий польский язык – в результате процесса языковой интеграции» [12]. Конечно, за такой короткий промежуток времени диалекты не рождаются и не исчезают бесследно.

В то же время представляется весьма вероятным возникновение на данных территориях не польских диалектов, а смешанной польско-немецкой речи. Даже при массовом отселении какого-либо этноса, на покинутой территории достаточно долго сохраняются соответствующие языковые следы, например *реалии*, не говоря уже об иных культурных феноменах и артефактах – литературных памятниках, архитектуре, укладе жизни и т. д. В таком случае отнесение гибридных речевых вариантов к диалектам не будет соответствовать лингвистической логике и традиции. В частности, было бы странно рассматривать креольский язык, например, как диалект испанского или французского языков. Более того, в рассматриваемой ситуации – как и в случае с трясянкой (и суржигом) – речь, видимо, может идти не столько о смешении польского и немецкого диалектов (равно как диалектов русского и белорусского (или украинского) языков), сколько о влиянии второго литературного языка (польского (или русского в восточнославянском пространстве)) на аутентичную языковую практику.

При этом, однако, в отличие от ситуации с трясянкой (суржигом), в польско-немецком взаимодействии не будет доминирования культурной специфики с участием языка-«инфлюенсера».

Наиболее влиятельной в этой ситуации, по-видимому, следует признать социальную (социолектическую) специфику: насущную необходимость для немецкоязычных коммуникантов адаптироваться в польскоязычном обществе. Если абсолютное большинство носителей русского и белорусского (украинского) языков понимают друг друга без переводчика (и на первый план выходят вопросы культурного взаимодействия этносов), то в ситуации общения носителей немецкого и польского языков, которые генеалогически достаточно далеки, нужен переводчик или речевая практика-посредник – для успешного социального взаимодействия. Видимо, такого рода *польско-немецкая смешанная речь* и могла быть ошибочно идентифицирована как «новый диалект» – якобы внезапно возникший и вскоре так же внезапно исчезнувший.

Примечательно, что смешанная речь на территории современной Польши не имела такого же макродискурсивного значения для всего польского языка (будучи распространенной только регионально), как трасянка в Беларуси или суржик в Украине. Тем не менее тезис о ее существовании и влиятельности вполне подтверждается при рассмотрении ретроспективы польско-немецкого языкового взаимодействия. Социокультурные процессы, как правило, носят перманентный характер и в той или иной степени постоянно влияют на задействованные языки. Так, в польско-немецком контексте известны и другие проявления межъязыковой интерференции: в частности, аналогичная ситуация имела место в Верхней Силезии в 18 ст., где был идентифицирован «силезский диалект», возникший в процессе общения между немецким и польским населением [10]. Устойчивый речевой стереотип, подобный «новым смешанным диалектам» или «силезскому диалекту», сегодня не наблюдается в ситуации польско-немецкого языкового взаимодействия, однако появление подобных прецедентов в рамках обозначенной тенденции, видимо, вполне возможно и в дальнейшем. Соответствующий потенциал значим не только в ретроспективе – его необходимо учитывать и при моделировании перспектив развития того или иного языка.

В рамках дискурсивной гипермодели идентичность польско-немецкой межъязыковой интерференции можно охарактеризовать следующим образом. Она *структурно* «однородна» (или «одноразнаправлена»: в *компонентном составе* активна только польскоязычная направленность); в плане *системности* является «некодифицированной» (или «ненормированной»: нет общих норм или обычаев в качестве основы) и по *специфике взаимодействия* является «постоянной» (или «долговременной»: актуальна на протяжении нескольких столетий – будучи многоэпизодной).

С точки зрения *ситуативного* анализа данное языковое взаимодействие носит «локальный» характер («*объектно*» было распространено в отдельных регионах Польши); является «персонализированным» («*субъектно*» не востребовано в публичной коммуникации) и носит «подчиненный» характер («*атрибутивно*» подчинено литературному польскому языку)

В *коммуникационном* отношении польско-немецкая межъязыковая интерференция является «двужычной» (ее *языковая специфика* является польско-немецкой); имеет преимущественно «устную» форму (*речевая выраженность* не характеризуется наличием письменной традиции) и является «прямой» (*функциональная опосредованность* не обусловлена использованием компьютерных или иных медиасредств).

Таким образом, в польско-немецком и русско-белорусском контекстах дискурсивных различий оказывается значительно меньше, чем сходства: в частности, выявлены расхождения в *компонентном составе* («разнородность» / «однородность») и объектности («повсеместность» / «локальность»). Все остальные проанализированные дискурсивные характеристики, их семь («системность», «специфика взаимодействия»; «субъектность», «атрибутивность»; «языковая специфика», «речевая выраженность» и «функциональность опосредования»), оказались схожими для обеих ситуаций языкового взаимодействия. Данное соотношение свидетельствует о типологической близости проявлений как «внутриславянского» взаимодействия, так и «внешнеславянского» взаимодействия языков.

Иерархическая метаструктура дискурсивной гипермодели также позволяет учитывать наряду с основными *факультативные параметры* проблемной области: например, фиксировать *непрерывность* (в русско-белорусском контексте) или *многоэпизодность* (в польско-немецком контексте) проявлений существования смешанной речевой практики. Рамки статьи не позволяют представить более широкий спектр примеров межъязыкового взаимодействия, тем не менее, эффективность приведенных метаописаний, в принципе, подтверждает актуальность дискурсивного моделирования в данном контексте.

В частности, подобным образом может быть интерпретировано взаимодействие польского и белорусского языков. Фактор компактного проживания национальных меньшинств – белорусов в Польше, поляков в Беларуси обуславливает востребованность изучения соответствующей дискурсивной проблематики. В свою очередь, при рассмотрении белорусско-польского языкового взаимодействия необходимо учитывать влияние на белорусский и польский языки других языков-соседей, равно как и английского языка,

например [2: 22]. В первую очередь, в данном контексте будет значимым влияние русского языка. Особенно выразительна здесь экстралингвистическая аргументация: и белорусский, и польский языки долгое время находились под доминирующим влиянием русского языка; значительная часть населения Польши знает русский язык, в Беларуси русский имеет статус «государственного»; исторически Беларусь и Польша веками входили в состав Российской империи; до 1991 г. Беларусь входила в состав СССР, а Польша была членом Варшавского договора, также во главе с СССР и т. д. Вместе с тем сегодня степень влияния русского языка в аспекте белорусско-польского (польско-белорусского) взаимодействия языков явно не имеет решающего значения. Так или иначе, анализ межъязыкового взаимодействия в дискурсивном аспекте не является самодостаточным и охватывает широкий круг вопросов, относящихся к характеристике пространственно-временного континуума взаимодействующих языков.

Заключение. Дискурсивное моделирование представляется перспективным в практическом аспекте. В частности, с помощью данного моделирования удалось верифицировать

вышеупомянутые противоречивые описания языковых ситуаций. При этом дискурсивное моделирование не менее актуально и в теоретическом аспекте. В частности, был подтвержден тезис о том, что взаимное влияние соседних языков не соответствует диалектологической парадигматике: диалект всегда является собственной версией определенного языка. Вместе с тем при всей сложности функционирования того или иного языка сохраняется его системное единство: «Все различные области человеческой деятельности связаны с использованием языка. Совершенно очевидно, что природа и формы этого использования столь же разнообразны, как и области деятельности человека, но это, конечно, не противоречит национальному единству языка» [3: 428]. Этот тезис является базовым при рассмотрении вопросов межъязыкового взаимодействия и их дискурсивном моделировании. Лишь в данном контексте может быть обеспечено непротиворечивое метаописание той или иной сложной языковой ситуации. Таким образом, обоснована важность дискурсивного моделирования межъязыкового взаимодействия. Данная методология, несомненно, перспективна в контексте лингвистического описания взаимодействия славянских языков.

Список литературы

1. Баркович А. А. Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация. М.: Флинта: Наука. 2019. 288 с.
2. Баркович А. А. Інтэрнэталект і мадэль моўнай варыятыўнасці: беларуская і польская спецыфіка // Беларуская-польская культурна-моўная ўзаемадачынненні: ад гісторыі да сучаснасці: зб. навук. арт. Мінск: Беларуская навука. 2016. С. 21–27.
3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит. 1986. С. 428–472.
4. Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс. 1989. 312 с.
5. Запрудскі С. Некаторыя заўвагі аб вывучэнні «трасянку», або выклікі для беларускіх гуманітарных і сацыяльных навук // Arche. 2009. № 11–12. С. 157–200.
6. Лисковец И. В. Трасянка: происхождение, сущность, функционирование // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. Вып. 2. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2002. С. 329–343.
7. Хентшель Г. Беларусский, русский и белорусско-русская смешанная речь // Вопросы языкознания. 2013. № 1. С. 53–76.
8. Barkovich A. Informational Linguistics: The New Communicational Reality. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2020. 271 p.
9. Barkovich A. Trasianka and Surzhik as Phenomena of Crosslingual Interference // 6th International Scientific Interdisciplinary Conference on Research and Methodology “Functional Aspects of Intercultural Communication. Translation and Interpreting Issues” [conference paper]. Moscow, Russia, November 15, 2019. Vol. 6. P. 340–350.
10. Czesak A. Współczesne teksty śląskie na tle procesów językotwórczych i standaryzacyjnych współczesnej Słowiańszczyzny. Kraków: Księgarnia Akademicka. 2015. 366 s.
11. Gumperz J. J. Interactional Sociolinguistics: A Personal Perspective // Tannen Deborah [et al.]. Handbook of Discourse Analysis. Oxford: Blackwell, 2001. P. 215–228.
12. Karaś H. Dialektologia polska. Available at: <http://www.dialektologia.uw.edu.pl> (accessed 20.12.2020).
13. Lakoff R. T. Nine Ways of Looking at Apologies: The Necessity for Interdisciplinary Theory and Method in Discourse Analysis // Tannen Deborah [et al.]. Handbook of Discourse Analysis. Oxford: Blackwell, 2001. P. 199–214.
14. Schilling-Estes N. Investigating Stylistic Variation // Chambers J. K. [et al.]. The Handbook of Language Variation and Change. Malden, 2002. P. 375–401.

15. Titscher S., Meyer M., Wodak R., Vetter E. *Methods of Text and Discourse Analysis*. Jenner B., trans. London, England: Sage Publications, 2000. 288 p.
16. Thomason S. G. *Language Contact*. Washington: Georgetown University Press, 2001. 240 p.
17. Trudgill P. *Dialects in Contact (Language in Society 10)*. Oxford and New York: Basil Blackwell, 1986. 174 p.
18. Urbańczyk St. *Zarys dialektologii polskiej*. Warszawa: PWN, 1953. 76 s.
19. Van Dijk T. A. *Multidisciplinary CDA: A Plea for Diversity // Wodak Ruth [et al.]. Methods of Critical Discourse Analysis*. London: Sage, 2001. P. 95–120.

References

1. Barkovich A. A. *Internet Discourse: Computer-Mediated Communication*. Moscow, Flinta Publ.: Nauka Publ., 2019. 288 p.
2. Barkovich A. A. *Internetlect and Model of Language Variability: Belarusian and Polish Specificity. Belaruska-pol'skiya kul'turna-mounyya wzajemadachynenni: ad gistoryi da suchasnastsi: zbornik navukovykh artykulau [Belarusian-Polish Cultural and Linguistic Interrelationship: from History to Nowadays: collection of scientific articles]*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2016, pp. 21–27 (In Belarusian).
3. Bakhtin M. M. *The Problem of Speech Genres. Literaturno-kriticheskiye stat'i [Literary-Critical Articles]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986, pp. 428–472 (In Russian).
4. Dijk Van T. A. *Jazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya [Language. Cognition. Communication]*. Moscow, Progress Publ., 1989. 312 p.
5. Zaprudski S. *Some Comments on the Study of "Trasianka", or Calls for the Belarusian Humanities and Social Sciences. Arche [Arche]*, 2009, no. 11–12, pp. 157–200 (In Belarusian).
6. Liskovets I. V. *Trasianka: Origin, Essence, Functioning. Antropologija. Fol'kloristika. Lingvistika [Anthropology. Folklore. Linguistics]*, 2002, issue 2, pp. 329–343 (In Russian).
7. Khentschel G. *Belarusian, Russian and Belarusian-Russian Mixed Speech. Voprosy yazykoznaniiya [Questions of Linguistics]*, 2013, no. 1, pp. 53–76 (In Russian).
8. Barkovich A. *Informational Linguistics: The New Communicational Reality*. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, 2020. 271 p.
9. Barkovich A. *Trasianka and Surzhik as Phenomena of Crosslingual Interference. 6th International Scientific Interdisciplinary Conference on Research and Methodology "Functional Aspects of Intercultural Communication. Translation and Interpreting Issues" [conference paper]*. Moscow, Russia, November 15, 2019, vol. 6, pp. 340–350.
10. Czesak A. *Współczesne teksty śląskie na tle procesów językotwórczych i standaryzacyjnych współczesnej Słowiańszczyzny*. Kraków, Księgarnia Akademicka Publ., 2015. 366 s.
11. Gumperz J. J. *Interactional Sociolinguistics: A Personal Perspective*. Tannen Deborah, Schiffrin Deborah, Hamilton Heidi E. [et al.]. *Handbook of Discourse Analysis*. Oxford, Blackwell Publ., 2001, pp. 215–228.
12. Karaś H. *Dialektologia polska*. Available at: <http://www.dialektologia.uw.edu.pl>. (accessed 20.12.2020).
13. Lakoff R. T. *Nine Ways of Looking at Apologies: The Necessity for Interdisciplinary Theory and Method in Discourse Analysis*. Tannen Deborah, Schiffrin Deborah, Hamilton Heidi E. [et al.]. *Handbook of Discourse Analysis*. Oxford, Blackwell Publ., 2001, pp. 199–214.
14. Schilling-Estes N. *Investigating Stylistic Variation. J. K. Chambers, P. Trudgill, N. Schilling-Estes [et al.]. The Handbook of Language Variation and Change*. Malden, 2002, pp. 375–401.
15. Titscher S., Meyer M., Wodak R., Vetter E. *Methods of Text and Discourse Analysis*. London, England, Sage Publications, 2000. 288 p.
16. Thomason S. G. *Language Contact*. Washington, Georgetown University Press Publ., 2001. 240 p.
17. Trudgill P. *Dialects in Contact (Language in Society 10)*. Oxford and New York, Basil Blackwell Publ., 1986. 174 p.
18. Urbańczyk St. *Zarys dialektologii polskiej*. Warszawa, PWN Publ., 1953. 76 s.
19. Van Dijk T. A. *Multidisciplinary CDA: A Plea for Diversity. Wodak Ruth, Meyer Michael [et al.]. Methods of Critical Discourse Analysis*. London, Sage Publ., 2001, pp. 95–120.

Информация об авторе

Баркович Александр Аркадьевич – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой информатики и прикладной лингвистики. Минский государственный лингвистический университет (220034, г. Минск, ул. Захарова, 21, Республика Беларусь). E-mail: albark@tut.by.

Information about the author

Barkovich Alexander Arkadievich – DSc (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Informatics and Applied Linguistics. Minsk State Linguistic University (21, Zakharova str., 220034, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: albark@tut.by.

Поступила 10.02.2021